

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	7
Введение	13

Подходы

I. Память и самонаблюдение: медийное увековечие XIX века	30
1. Увидеть и услышать XIX век	33
2. Хранилища памяти, сокровищницы знаний, носители информации	38
3. Описание, репортаж, «реализм»	56
4. Статистика	73
5. Новости	81
6. Фотография	100
II. Время: когда был XIX век?	111
1. Хронология и характер эпохи	111
2. Календарь и периодизация	118
3. Цезуры и переходы	125
4. «Эпоха водораздела» — викторианство — <i>fin de siècle</i>	135
5. Часы и ускорение времени	155
III. Пространство: где место XIX века?	173
1. Пространство и время	173
2. Метагеография: названия пространств	176
3. «Ментальные карты»: относительность пространственных концепций	193
4. Пространства взаимодействий: суша и море	209
5. Организация территории: власть и пространство	230
6. Территориальность, диаспора, граница	238

Панорамы (часть 1)

IV. Оседлость и мобильность	252
1. Порядки величин и тенденции	252
2. Демографические катастрофы и демографический переход	264

3. Наследие миграционных процессов раннего Нового времени: креолы и рабы	272
4. Исправительная колония, ссылка, изгнание	282
5. Массовое бегство населения и этнические чистки	294
6. Внутренняя миграция и трансформация работоторговли	303
7. Миграция и капитализм	323
8. Причины миграции в глобальной перспективе	344
V. Уровень жизни: гарантии и риски материального существования	349
1. «Уровень жизни» и «качество жизни»	349
2. Увеличение продолжительности жизни и «человек гигиенический»	354
3. Угроза эпидемий и меры профилактики	371
4. Мобильные опасности, старые и новые	384
5. Природные катастрофы	408
6. Голод	417
7. Революция в сельском хозяйстве	436
8. Бедность и богатство	447
9. Глобализованное потребление	465
VI. Города: европейские образцы и мировое разнообразие	495
1. Город как правило и как исключение	495
2. Урбанизация и городские системы	510
3. Между дезурбанизацией и сверхростом	523
4. Особые города, универсальные города	540
5. Золотое время портовых городов	561
6. Колониальные города, «договорные порты», имперские мегаполисы	576
7. Внутренние пространства и андеграунд	604
8. Символика, эстетика, планирование	634

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Согласно наставлению великого немецкого поэта и литературного критика Готтольда Эфраима Лессинга (1729–1781), предисловие не должно содержать ничего иного, кроме истории создания книги. Это не то место, где автор может высказать мнения или сообщить информацию, которые были упущены при написании основного текста книги. Предисловие к новому изданию или, как в данном случае, к переводу книги лишь в редких случаях подходит для развернутых возражений на выдвинутые замечания критиков. Тогда уж лучше переписать саму книгу.

Я последую совету Лессинга. Тем не менее я не могу закрыть глаза на то, что *после* выхода книги в 2009 году у нее появилась своя история. Данное издание на русском языке представляет собой новейший этап этой истории, которому предшествовали переводы на польский, французский, испанский и китайский языки. В 2014 году в издательстве Принстонского университета было опубликовано англоязычное издание книги¹, в ходе подготовки которого у меня была возможность исправить некоторые ошибки и переписать отдельные пассажи. Так, я изменил некоторые высказывания, изначально написанные с расчетом только на немецких читателей и малопонятные для международной аудитории. Многие из этих исправлений и добавлений вошли в данное издание на русском языке.

История этой книги разделяется на две части: одна относится к ее созданию, а другая касается ее восприятия. История создания уходит в 1990-е годы и включает мое участие в немецких и международных дебатах, посвященных вопросу о том, как с учетом современных требований следует писать

---

¹ *Osterhammel J. The Transformation of the World: A Global History. New Jersey, 2014 (6-е изд.: 2017).*

мировую историю. Под «современными требованиями» имеется в виду историография, которая не просто собирает факты, имена и даты, а предлагает структурированную интерпретацию глобальных взаимосвязей. Сначала эти дебаты имели скорее теоретический характер. Со временем этого мне оказалось недостаточно. За теорией должна была следовать практика. Поскольку я не обладаю компетенциями, необходимыми для профессиональных занятий более давними периодами истории, я решил провести эксперимент, применив новый подход, который ныне именуется «глобальной историей», к одной ограниченной во времени эпохе.

Ранее я преимущественно занимался изучением XX века, позже обращался к истории XVIII века, но до тех пор еще не написал ни одной книги о XIX столетии. «Преобразование мира» должно было заполнить эту лауну. Разумеется, обратившись к материалу XIX века, я не был абсолютным новичком. Сколько себя помню, меня всегда занимала история XIX века, включая его литературу, музыку и философию. Русская культура играла в ней особую роль. Без произведений Пушкина и Гоголя, Чехова и Бунина, без музыки Глинки и Скрябина понять XIX век просто невозможно. В области истории политических идей и науки мой интерес вызывали отдельные российские личности, такие как Петр Кропоткин и Дмитрий Менделеев. Все эти сферы российской истории XIX века я хотел бы описать подробнее, но книга и без того получилась слишком объемной.

Книга «Преобразование мира» с самого начала была задумана не как учебник или энциклопедия. Поэтому она не претендует на максимально полное изложение всего важного и значимого, что необходимо знать о XIX веке. Я совершенно сознательно расставил свои собственные акценты, не скрывая личных интересов. Многие пробелы, без которых не обходятся такого рода труды, были оставлены таковыми осознанно, а не возникли в результате небрежности автора. Моей целью было создание книги, которая могла бы быть в равной мере полезна и любителям, и специалистам. Еще одна идея, которая лежала в основе проекта, заключалась в том, чтобы каждая глава была понятна сама по себе, даже при выборочном прочтении отдельных частей. Соответственно, нет необходимости читать данную

книгу полностью, от первой до последней страницы. С самого начала я отказался и от структуры повествования, выстроенной по главам, посвященным отдельно взятым странам. В книге содержатся сведения и трактовки, касающиеся многих регионов мира, но вся эта информация представлена в рамках глав и пунктов, следующих систематической логике повествования, а не географическому порядку.

Что касается истории восприятия, то в целом отклик на книгу с момента выхода первого немецкого издания в 2009 году был на удивление широким и позитивным. Причина этого лежит, вероятно, в том, что книга обращена к обширному спектру читательских кругов. Одни из них интересуются XIX веком, другие — новыми подходами в историографии, третьи — истоками процесса, который мы называем сегодня «глобализацией». Среди критических отзывов о книге выделяются в первую очередь два существенных замечания.

Во-первых, в глазах некоторых критиков книга излишне «евроцентрична». В ответ на это замечание я уже отмечал и продолжаю утверждать, что ни в одно другое столетие глобальная позиция Европы во всех областях мировой истории не была такой сильной и определяющей, как в ходе «долгого» XIX века, временные границы которого лежат примерно между 1770 и 1914 годами. Я все время старался представить взгляд на описываемые события и явления с точек зрения, находящихся за пределами Европы, но маргинализацию Европы из идеологических соображений, подобных тезису о «провинциализации Европы», который выдвинул теоретик культуры Дипеш Чакрабартти, я считаю неоправданной.

Во-вторых, некоторые критики и читатели спрашивали: какая теория позволит просто и обобщенно выразить «сущность» XIX века? Был ли это век модернизации, индустриализации, урбанизации, империализма или чего-то еще? Я могу ответить лишь, что все эти аспекты сходятся в данный период времени вместе. Свести характеристику такой крайне многогранной эпохи к «сути», изложенной в нескольких предложениях, невозможно. Вероятно, существуют философы истории, которым нечто подобное удастся. Историки же слишком остро осознают, насколько огромно число существующих источников

и как бесконечно разнообразны люди и их действия, чтобы удовлетвориться одной простой формулой.

Пожалуй, один ответ на вопрос о «сущности» века содержит название книги. Понятие «преображение» (*Verwandlung*)² в немецком языке имеет три различные коннотации. Во-первых, оно может значить «превращение» (*Verzauberung*) — внезапное изменение под действием колдовских чар. Тем самым на первый план выдвигаются радикальность и быстрота изменений, когда за короткий срок кардинально изменяются обстоятельства жизни обществ, как это произошло, например, под влиянием железных дорог. Второе значение слова «преображение» — медленное и постепенно проявляющееся изменение, движущие и направляющие силы которого сложно установить. Тогда речь идет о некой «метаморфозе» (*Metamorphose*), происходящей порой настолько неприметно, что современники почти не обращают на нее внимания. В-третьих, преобразование может осуществляться целенаправленно, усилиями небольших групп общества: реформистских господствующих элит или революционеров, промышленников, ученых или художников-авангардистов. Эта активная составляющая понятия по своему значению ближе всего к словам «трансформация», «преобразование». В XIX веке все три семантических составляющих сплелись друг с другом: трансформация, метаморфоза и быстрая замена одного мира неким другим. Возможно, мне следовало бы использовать в заглавии книги слово «преображение» во множественном числе. Однако формулировка «Преобразования мира» выглядела бы несколько искусственной.

Принципиальную сложность, которая всегда стоит перед книгами подобного толка, представляет собой соблюдение пропорции между отдельными странами и регионами мира. В первом же интервью для радио, которое я давал после выхода немецкого издания книги, молодой репортер спросил меня: «Почему вы ничего не пишете о Занзибаре?» Этот вопрос в принципе оправдан, но вместе с тем и несколько наивен. Каждый читатель и каждая читательница интересуется определенной страной или

---

² Немецкое название книги — «Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts». — *Прим. ред.*

определенным городом, ищет их в указателе книги, что *всегда* приводит к разочарованию. Ни при каких условиях невозможно полностью удовлетворить индивидуальные интересы.

Хочется надеяться, что в моей книге я не слишком обделил вниманием Россию и Российскую империю. О них можно было бы сказать гораздо больше. История Сибири и ее народов в XIX веке заслуживает более подробного рассмотрения. История окружающей среды представляет собой сферу исследований, значение которой растет с каждым днем. Здесь, если я правильно оцениваю ситуацию, исследователям еще предстоит много работы. Еще одна тема заслуживает дополнительного внимания, а именно российская активность на морях мира, в частности в связи с кругосветными путешествиями.

Нынешняя глобальная история иной раз заходит слишком далеко, видя повсюду *только* взаимосвязи и *connectivity*³ и недооценивая при этом значение таких политических единиц, как империи и национальные государства. Однако это не уменьшает принципиальной ценности аналитического взгляда, фокусирующего внешние взаимосвязи *любого* толка, а не исключительно дипломатические отношения на межгосударственном уровне. Благодаря ему становятся заметны трансграничные миграционные потоки или многослойные культурные переплетения. Российские эмигранты, многие из которых в XIX веке были политическими беженцами, с этой точки зрения могут рассматриваться как часть российской истории. Аналогичный подход применим и к русским общинам за границей, например в маньчжурском городе Харбине. И наоборот: мир смотрел на Россию. Так, в последние годы перед началом Первой мировой войны Санкт-Петербург являлся, по выражению Карла Шлёгеля, одной из «лабораторий модерности», влияние которой было заметно по всему миру.

---

³ Словом *connectivity* в различных науках — физике, математике, экологии, нейробиологии и других — называют «связность» множеств или систем, то есть в самом общем смысле — их наличие, количественные и качественные параметры соединений и взаимодействий между их элементами. Применительно к истории речь идет о том, как изучаемые регионы, группы или институты прошлого интерпретируются через свою включенность в сети взаимосвязей с другими. — *Прим. ред.*

В исследованиях историков часто идет речь об «особых путях». Среди них есть и немецкий особый путь, который привел к катастрофе 1933–1945 годов, и особый путь Британии, на который она вновь вернулась после Брекзита 2016 года; говорят и об особой исторической миссии России, призванной взять на себя роль моста между Европой и Азией. Взгляд на XIX век с позиций глобальной истории позволяет выявить относительный характер подобных «исключительностей» (*exceptionalism*). Он демонстрирует, что существовало большое количество разных тропинок и путей развития, многие из которых нередко переплетались между собой. Ни одна из этих историй не оправдывает особой убежденности в некоей собственной миссии. Заострив формулировку, можно утверждать, что в мировой истории особый путь — не исключение, а норма.

В заключение я хотел бы выразить сердечную благодарность Денису Сдвижкову, Анне Ананьевой и Кириллу Левинсону за их чрезвычайные усилия, которые потребовались для того, чтобы с энтузиазмом и тщательностью довести до успешного завершения проект перевода такой объемистой книги на русский язык. Я благодарю всех российских участников проекта, переводчиков и редакторов, участвовавших в подготовке этого издания. Особой благодарности автора заслуживают усилия издательства «Новое литературное обозрение» и его руководительницы Ирины Прохоровой. Отдельно благодарю за инициативу перевода книги Николауса Катцера и Сандру Дальке.

Фрайбург-им-Брайсгау, декабрь 2021 года

ВВЕДЕНИЕ

Любая история имеет тенденцию к тому, чтобы стать всемирной историей. Согласно социологическим теориям глобального общества, мир есть «окружающая среда всех сред существования», а всемирной контекст — это самый широкий из возможных контекстов для любого исторического события и его описания. Тенденция выхода за границы «локального» усиливается в долгосрочной исторической перспективе. Если всемирная история эпохи неолита еще не может ничего сообщить об интенсивных контактах между отдаленными уголками планеты, то исходная ситуация для всемирной истории XX века — наличие разветвленной и плотной глобальной сети связей, «человеческой сети», по выражению историков Джона Роберта и Уильяма Харди Макниллов, или, вернее, множества таких сетей¹.

Для историков обращение к всемирной истории является особенно оправданным в тех случаях, когда подобный подход согласуется с воззрениями людей прошлого. Но даже сегодня, в эпоху спутниковой связи и Интернета, жизнь миллиардов людей проходит в узких, локальных контекстах, пределы которых они ни физически, ни мысленно не в состоянии покинуть. Только привилегированное меньшинство населения планеты мыслит и действует глобально. Тем не менее уже в XIX веке, который часто и по праву называют эпохой национализма и национальных государств, обнаруживаются процессы, выходящие за рамки национального, а именно: межнациональные, межконтинентальные, межкультурные. Их подмечают не только сегодняшние историки, находящиеся в поиске ранних следов глобализации: многие люди той эпохи тоже видели в расширяющихся

---

¹ McNeill J. R., McNeill W. H., 2003.

горизонтах мышления и действий характерный признак своего времени. В XIX веке представители средних и низших слоев населения в Европе и Азии с надеждой обращали свой взгляд на дальние края в поиске земель обетованных. Многие миллионы людей не боялись отправляться в путь на встречу с неизвестным. Государственные и военные деятели научались мыслить в категориях мировой политики. Возникла Британская империя — первая настоящая мировая держава в истории, включившая в себя еще и Австралию с Новой Зеландией. Она стала образцом, с которым стремились сравняться другие амбициозные империи. Отрасли торговли и финансов срослись, еще сильнее, чем в раннее Новое время, в мировую систему взаимосвязей и взаимозависимостей, так что уже к 1910 году экономические колебания в Йоханнесбурге, Буэнос-Айресе или Токио немедленно регистрировались в Гамбурге, Лондоне или Нью-Йорке. Ученые собирали информацию и объекты со всего мира, они изучали языки, обычаи и религии народов, живущих в самых удаленных местах планеты. Критики господствующих в мире порядков — рабочие, женщины, пацифисты, борцы за расовое равенство, противники колониализма — тоже начали организовывать свою деятельность на международном уровне, отнюдь не только европейском. XIX век вполне осознавал, что становится глобальным веком.

Кроме всемирной истории, любой иной подход к изучению новых и новейших времен — и тем более XIX века — оказывается не чем иным, как вспомогательным предприятием. Однако именно с помощью таких вспомогательных предприятий историография сформировалась как научная дисциплина. Наукой, то есть дисциплиной, использующей методы, рациональность которых поддается проверке, история стала благодаря интенсивному и по возможности исчерпывающему изучению источников. Этот методологический подход укоренился в XIX столетии, и поэтому нет ничего неожиданного в том, что именно тогда интерес к всемирной истории отошел на задний план: она казалась несовместимой с новым представлением историков о своей профессии. То, что в настоящее время их взгляды на профессию начинают изменяться, ни в коем случае не означает, что все историки хотят или должны заниматься всемирной

историей². Историческая наука требует интенсивного изучения конкретных случаев, проникновения в их глубину. Результаты этих исследований образуют материал для исторического синтеза. Общепринятыми рамками для подобного синтеза — во всяком случае, для Нового времени — являются истории отдельно взятых наций или национальных государств, а иногда и континентов, таких как Европа. Всемирная историография при этом продолжает оставаться исследовательской перспективой меньшинства историков, но она представляет собой подход, который нельзя более игнорировать, считая его ошибочным или несерьезным. Независимо от территориального или аналитического ракурса исследований насущным остается вопрос: «Каким образом историк, интерпретируя отдельные исторические феномены, устанавливает взаимосвязь между индивидуальным характером событий, отраженным в источниках, и общим абстрактным знанием, которое, собственно, и делает возможным толкование отдельных событий как таковых? Что необходимо историку для формирования эмпирически обоснованных суждений о крупных событийных единицах и об исторических процессах?»³

Профессионализация исторической науки — процесс, который невозможно повернуть вспять, — привела к тому, что «большая история» (*big history*) оказалась отдана в распоряжение социальных наук. Компетенция в крупномасштабных вопросах исторического развития отошла к тем социологам и политологам, которые сохранили интерес к глубинам времени и широте пространств. Историки в силу усвоенного ими габитуса не рискуют делать смелых обобщений, избегают монокаузальных объяснений и броских универсальных формул. Под влиянием философии постмодерна некоторые из них вообще считают невозможным создание больших нарративов, предполагающих обобщенную интерпретацию протяженных во времени и пространстве исторических процессов. И все же написание

² Об актуальном положении в историографии см.: *Conrad S., Eckert A. Globalgeschichte, Globalisierung, multiple Modernen: Zur Geschichtsschreibung der modernen Welt // Conrad et al., 2007, 7–49; Osterhammel. Globalgeschichte, 2007³; Конрад С. Что такое глобальная история? М., 2018.*

³ *Acham, Schulze, 1990, 19.*

всемирной истории представляет собой, помимо прочего, попытку добиться от специализирующейся на узких темах исторической науки некоей интерпретативной компетенции, имеющей значение для публичной сферы. Всемирная история представляет собой *один* из возможных подходов, который следует время от времени использовать в историографии. Выбирая этот путь, автор исследования рискует больше, чем читатель. От легкомысленных предположений или шарлатанства в описании истории публику всегда защитят бдительные критики. Однако возникает вопрос: в чем состоит преимущество книги по всемирной истории, полученной из одних рук? Не достаточно ли многотомных изданий, подготовленных трудами «фабрики ученых» (как выразился о коллективных работах немецкий исследователь Эрнст Трельч)? Ответ прост: только централизованная, то есть индивидуализированная, организация постановки вопросов и точек зрения, материалов и интерпретаций может полностью удовлетворить конструктивные требования, предъявляемые к написанию всемирной истории.

Всеведение не является основной предпосылкой для историка, работающего в области всемирной истории. Никто не обладает такой степенью эрудиции, которая бы могла и гарантировать точность каждой исторической детали, и охватить все регионы мира в одинаковой степени, и позволить сделать наилучшие выводы и обобщения на высшем уровне научных исследований по истории каждого из вопросов. Две других способности, однако, крайне необходимы историку. Во-первых, автор всемирной истории должен иметь чувство пропорции и масштаба, обладать чутьем на динамику силовых полей и взаимовлияний и верным глазом насчет типичного и репрезентативного. Во-вторых, занимаясь всемирной историей, необходимо сохранять смирение, осознавать свою зависимость от текущего состояния научных исследований. Историк, временно выступающий в роли всемирного историка (всегда оставаясь при этом специалистом в своей области), не может поступать иначе, как сводить трудоемкую исследовательскую работу, проделанную другими специалистами (в той мере, в какой знание языков позволяет ему знакомиться с ней), к кратким высказываниям в нескольких предложениях. Это является основной задачей такого автора, и необходимо как

можно успешнее справляться с ней. В равной степени работа в области всемирной истории была бы бесполезным трудом без усилий, приложенных на максимальное приближение к наилучшим достижениям науки, не все из которых должны быть при этом новейшими. Смехотворно выглядел бы историк, если бы он взялся писать всемирную историю и при этом с величественным видом всезнайки лишь повторял бы давно опровергнутые мифы и легенды. Облачаясь в форму синтеза синтезов, всемирная история просто неправильно понимала бы свою сущность, а рассказывая «историю всего» (*the story of everything*)⁴, она оказалась бы скучной и поверхностной.

Данная книга — портрет одной эпохи. Принципы исторического описания, примененные здесь, могут быть использованы для изображения любого другого отрезка времени. Книга не претендует на воссоздание полной картины одного века всемирной истории подобно энциклопедии; ее цель — предложить читателям насыщенную материалом интерпретацию XIX столетия. В этом автор занимает ту же позицию, которую выбрал сэр Кристофер Бейли, работая над книгой «Рождение современного мира: глобальные связи и сравнения, 1780–1914». Это по праву снискавшее высокие оценки исследование британского историка, которое впервые вышло в свет в 2004 году, является одним из немногих примеров удачного синтеза всемирной истории *позднего* Нового времени⁵. Моя книга — это не анти-Бейли. Она является родственной ему по духу альтернативой: ведь может же существовать *не одно* толкование истории, например, Германской империи или Веймарской республики. Общим для работ Бейли и моей является отказ от применения принципа регионального членения книги по нациям, цивилизациям или континентам. Мы оба считаем колониализм и империализм настолько значительными феноменами эпохи, что не выделяем для их описания отдельные главы, а постоянно учитываем их как аспекты рассмотрения любых явлений эпохи. Обе книги не видят жесткого противоречия

⁴ Это заголовок эссе Тони Джадта: *Judt T. The Story of Everything // New York Review of Books*, 21.09.2000.

⁵ *Bayly C. A. The Birth of the Modern World 1780–1914: Global Connections and Comparisons. Oxford, 2004.* См. рецензию, написанную автором данной книги: *Osterhammel. Baylys Moderne // NPL 50 (2005), 7–17.*

между «глобальными связями и сравнениями», как обозначил эти два типа отношений Бейли в подзаголовке своей книги⁶. Сравнительный подход и анализ связей могут и должны применяться гибко, в комбинации друг с другом. Не все сравнения должны быть всегда обоснованы посредством строгой исторической методологической теории. Контролируемая игра с ассоциациями и аналогиями иногда (хотя, разумеется, не в каждом случае) приносит больше результатов, чем сравнительный метод, перегруженный формальным педантизмом.

Многие акценты расставлены в двух книгах по-разному уже по причине того, что специализация Бейли связана с историей Индии, а моя — с Китаем; читатель это заметит. Бейли в большей степени интересуется вопросами национализма, религии и «телесных практик» — этим темам посвящены, пожалуй, лучшие страницы его книги. В моем же исследовании шире охвачены проблемы миграции, экономики, окружающей среды, международной политики и науки. Возможно, моя установка по сравнению с Бейли более европоцентрична: с моей точки зрения, XIX век — в огромной степени век Европы; к тому же невозможно не заметить и растущего увлечения с моей стороны историей США. Что касается теоретических позиций, то читателю наверняка сразу бросится в глаза моя близость к исторической социологии. Главные отличия между трудом Бейли и моей книгой таковы: во-первых, хронологические рамки моей работы еще менее строгие, чем у Бейли. Это не замкнутое повествование об отрезке времени, начало и конец которого строго ограничены конкретными годами. Поэтому в названии моей книги отсутствуют даты начала и конца рассматриваемого периода, а одна из ее глав (II) посвящена вопросам периодизации и временной структуры. Книга по-разному представляет место XIX века «в истории», и я сознательно обращаюсь то к прошлому до 1780 года, то к будущему почти до наших дней, что лишь кажется анахронизмом: таким способом производится как бы триангуляция XIX века, определение его места в историческом пространстве. Иногда XIX век далек от нас, иногда он очень

---

⁶ В подзаголовке одной из предыдущих книг автора данной книги речь шла об «истории взаимоотношений и сравнении цивилизаций». См.: *Osterhammel*, 2001.

близок. В одних случаях он оказывается непосредственной предысторией современности, а в других — скрывшимся в глубине времен подобно Атлантиде. В основе моей концепции лежит не идея о четких границах на шкале времени, а представление о некоем внутреннем центре тяжести века, приходящемся примерно на 1860–1880-е годы, когда особенно часто возникали инновации, имевшие всемирное влияние, и, казалось бы, стали сходитьсь воедино некоторые процессы, протекавшие до тех пор независимо друг от друга. Из этого представления напрямую вытекает и тот факт, что начало Первой мировой войны не представляет собой для повествования данной книги финального занавеса, внезапно опустившегося на сцену истории, как это изображено у Бейли (один из редких случаев, когда он следует существующей историографической традиции).

Во-вторых, выбранная мною стратегия повествования отличается от стратегии Бейли. Существует определенный тип изложения всемирной истории, который можно было бы назвать «темпорально-конвергентным». В такой манере некоторым историкам, обладающим рассудительным умом, большим опытом и здравым смыслом, удалось представить картину некоторых всемирно-исторических эпох, не упустив их главные и побочные линии, в динамике. «Всемирная история XX века» Джона М. Робертса является образцовым примером. Под всемирной историей Робертс понимает то «всеобщее, что объединяет повествование» (*the story*)⁷. Поэтому он выбирает все важное и характерное для всей описываемой эпохи и формирует на этом материале непрерывный поток своего повествования, без заранее заданных схем или определяющих направление тезисов. Еще раньше подобным образом описал историю XIX века Эрик Хобсбаум, в чьем трехтомном труде есть толика марксистской строгости, служащая автору одновременно своеобразным компасом⁸. Работая в такой манере, историк после любого отступления

⁷ Roberts J. M., 1999, xvii.

⁸ Hobsbawm E. J. The Age of Revolution: Europe, 1789–1848. London, 1962 (рус. пер.: Хобсбаум Э. Век революции: 1789–1848. Ростов-н/Д, 1999); The Age of Capital: 1848–1875. London, 1975 (рус. пер.: Век капитала: 1848–1875. Ростов-н/Д, 1999); The Age of Empire: 1875–1914. London, 1987 (рус. пер.: Век империи: 1875–1914. Ростов-н/Д, 1999).

всегда способен вернуться к главным тенденциям своей эпохи. Бейли идет другим путем, он пишет в манере, которую можно было бы назвать «пространственно-дивергентной». Это скорее децентрализующий подход, который с гораздо меньшей легкостью скользит по волнам времени. Такое описание истории движется тяжелой походкой. Оно охватывает широту синхронных явлений и проникает вглубь поперечных разрезов, выискивает параллели и аналогии, проводит сравнения и отыскивает скрытые взаимосвязи. При этом хронология повествования довольно нечеткая, оно довольствуется небольшим количеством дат, а ход повествования обеспечивается не очень строго соблюдаемым внутренним членением эпохи на фазы — Бейли выделяет в своей работе следующие три: 1780–1815, 1815–1865, 1865–1914 годы. Если Робертс мыслит в парадигме диалектики главных и побочных процессов и при этом беспрестанно задается вопросом, какой главный — как в отрицательном, так и в положительном плане — фактор движет историей в том или ином эпизоде, то Бейли обращает пристальное внимание на отдельно взятые феномены и рассматривает их в глобальной перспективе.

Возьмем такой пример, как национализм. Принято считать, что это европейское изобретение, которое в огрубленной форме и не без определенных недоразумений было со временем перенято остальным миром. Бейли же более внимательно рассматривает этот «остальной мир», который ему как специалисту по истории Индии знаком лучше, чем многим другим историкам. В результате наблюдения он приходит к убедительному заключению о полигенезе националистических форм солидарности: во многих частях света еще до импорта националистических доктрин из Европы развились модели «патриотической» идентичности собственного происхождения, которые в конце XIX и в XX веке могли реинтерпретироваться как националистические⁹. Историография Бейли отличается прежде всего своей горизонтальной ориентацией (он сам называет ее «латеральной»¹⁰), она привязана к пространствам, в то время как историография, представленная работами Джона М. Робертса или Эрика

⁹ Bayly C. A. *The Birth of the Modern World*. 2004, 202ff.

¹⁰ *Ibid.*, 4.

Хобсбаума, ориентирована «вертикально» и хронологически. Все эти три автора стали бы настаивать на том, что для их подхода характерна комбинация горизонтального и вертикального измерений. Это, безусловно, верно. Тем не менее, вероятно, и здесь все же превалирует состояние неустойчивого равновесия, так же как и в известном случае сложных отношений между повествовательным и структурным типом изложения — достичь полной гармонии пока еще никому не удалось.

Моя книга в своем устройстве следует направлению, заданному трудом Бейли, но при этом она радикализирует его принципы и прокладывает иной, третий путь. Я сомневаюсь в том, что, пользуясь инструментарием исторического познания, можно осмыслить динамику эпохи, следуя одной всеохватывающей схеме, хотя теория мир-системы, исторический материализм или социологический эволюционизм считали это возможным. Дело истории, однако, — дать *описание* изменений, прежде чем предлагать их объяснение, а в ходе этого процесса она сразу сталкивается с фрагментарностью и своеволием материала, с элементами прошлого, сопротивляющимися вписыванию в единую картину. Разумеется, Бейли знает это, но игнорирует, когда пытается определить характерную особенность эпохи: мир, гласит его основной тезис, стал в период времени между 1780 и 1914 годами более единообразным, но при этом приобрел более дифференцированное внутреннее устройство¹¹. «Рождение модерна», пишет он, было долгим процессом, который пришел к завершению только после 1890 года благодаря фазе «великого ускорения» (которое Бейли, однако, уже не рассматривает)¹².

¹¹ Диалектика интеграции и различия является общим местом функционального анализа в социологии, для историков она представляет собой приемлемую формулу, которую можно использовать на разном материале.

¹² Bayly C. A. *The Birth of the Modern World*. 2004, 451–487. Насколько произвольными могут оказаться такие впечатляющие понятия, как «великое ускорение» («*great acceleration*»), демонстрирует тот факт, что независимо от Бейли и параллельно с ним другой историк предпринял попытку использовать его в качестве ключевого понятия для описания истории всего XX века, а не только одной фазы развития на рубеже XIX–XX веков. См.: Christian D. *Maps of Time*. 2004, 440–464. О понятии «модерность» в историографии России см. международную дискуссию «Споря о модерности» в журнале «НЛО» (140/4 (2016), 16–91) и монографию: Дэвид-Фокс М. *Пересекая границы: Модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе*. М., 2020. — *Прим. ред.*

Этот вывод звучит несколько тривиально и разочаровывающе на фоне тех оригинальных мыслей, которыми полна каждая страница книги. Поскольку Бейли отказывается от четкого разграничения частностей исторической действительности, он не пытается проникнуть в особенности их внутренней логики. В его книге только процессы индустриализации, образование государства и религиозное возрождение приобретают четкий индивидуальный профиль. Обобщающее заключение о мире XIX века несколько неожиданно принимает форму метанарратива, возникая из космоса конкретных наблюдений и интерпретаций, которые сами по себе крайне остроумны и в большинстве своем убедительны.

Я же экспериментирую с другим решением, которое изначально работает с метанарративами как оправданным средством историографии. Они не вышли из употребления в результате постмодернистской критики, более того, их использование стало осознанным. Свое применение мета- или большие нарративы (*grand narratives*) находят на разных уровнях. Так, история всемирной индустриализации или история урбанизации в XIX веке представляют собой достаточно крупные процессы, чтобы считаться «большими». Этот уровень, в целом достаточно обобщающий, но все же отсылающий к устройству общественной жизни, в котором можно распознать черты отдельных подсистем некоего единого целого, задает структуру повествования данной книги. Она может показаться на первый взгляд энциклопедической, но является, по сути, последовательно выстроенным обзором. Фернан Бродель так описал подобный подход: «Историк сначала открывает ту дверь в прошлое, которая ему наиболее знакома. Но если он попытается заглянуть подальше, он неизбежно постучится в другую дверь, а затем и в следующую. И каждый раз перед ним откроются новые или по крайней мере несколько изменившиеся картины. [...] Однако их всех объединяет история, она способна до бесконечности включать в единое целое все соседствующие и пограничные сообщества и их специфические взаимодействия»¹³. В каждом

¹³ Braudel F. Zum Begriff der Sozialgeschichte [1959] // Braudel, 1992, Bd. 1, 167–182, здесь 181.

тематическом разделе данной книги ставится вопрос о присущей этому разделу «логике» и об отношениях между всеобщей тенденцией развития и ее региональными вариантами. Каждая из описываемых тематических сфер имеет свою собственную временную структуру, в которой выделяются особенные начало и конец процессов, специфические темп, ритм и внутренняя периодизация развития.

Всемирная история стремится преодолеть «европоцентризм», как и любые другие виды наивной культурной сосредоточенности на себе. Достижению этой цели служит не иллюзорная «нейтральность» всезнающего рассказчика или мнимая «глобальная» позиция наблюдателя, а сознательное обыгрывание *относительности* существующих точек зрения. При этом не следует упускать из виду те обстоятельства, в которых создается всемирная история: кто именно и для кого ее пишет? Тот факт, что европейский (немецкий) автор изначально писал данную книгу для европейского (немецкого) читателя, оставил свой отпечаток на характере текста: ожидания читателя, имеющиеся у него познания и культурные представления о том, что нормально и естественно, зависят от того, в какой культуре он живет. Согласно этому же принципу относительности, фокус восприятия исторической реальности не может быть установлен без учета *реальных* соотношений — другими словами, он находится в зависимости от соответствующей структуры «центра» и «периферии». Этот вывод имеет последствия как в методологическом, так и фактическом плане. С методологической стороны, недостаток необходимых источников часто не дает осуществиться стремлению к исторической справедливости по отношению к безгласным, ущемленным и маргинализированным. С фактической стороны, пропорции между различными частями света постоянно изменяются под влиянием волн исторического развития. Распределение веса в сферах политической власти, экономической мощи или способности к культурным инновациям изменяется от эпохи к эпохе. Поэтому не принимать во внимание центральную позицию Европы при написании истории именно XIX века было бы достаточно произвольным решением. Никакое другое столетие даже приблизительно не было в такой степени эпохой Европы, как девятнадцатое. По выражению философа и социолога Карла

Ахама, это была «эпоха могущественных и непреодолимых европейских инициатив»¹⁴. Никогда прежде западная оконечность Евразии не господствовала над столь большой частью мира, эксплуатируя ее так интенсивно. Никогда ранее изменения, происходившие в Европе, не имели такого мощного воздействия на остальной мир. Никогда европейская культура не впитывалась с таким энтузиазмом, в том числе и в тех странах, которые во все не были европейскими колониями. Таким образом, XIX век был столетием Европы еще и потому, что другие территории равнялись на Европу. В мире XIX века Европа имела не только *власть*, часто осуществлявшуюся с применением насилия, но и *влияние*, которое она себе обеспечивала через многочисленные каналы капиталистической экспансии, и статус *образца для подражания*, которому готовы были следовать даже многие жертвы европейской политики. Такого тройного первенства не существовало на предыдущей стадии европейской экспансии, в период раннего Нового времени. Ни Португалии, ни Испании, ни Нидерландам, ни Англии (до 1760-х годов) не удавалось распространить свою власть вплоть до отдаленных уголков Земли и оказать на другие культуры такое влияние, как это удалось Великобритании и Франции в XIX веке. История XIX века создавалась в Европе и Европой в значительно большей степени, чем в XVIII или XX веках, не говоря уже о более ранних эпохах. Никогда более Европа не демонстрировала подобного избытка инициативы и способности к инновациям, высокомерия и готовности к насилию.

Тем не менее в центре этой книги не стоит вопрос «Почему Европа?», который начиная с эпохи Просвещения регулярно поднимался учеными от Макса Вебера до Дэвида С. Ландеса, Михаэля Миттерауэра и Кеннета Померанца. Еще двадцать-тридцать лет назад всемирная история Европы Нового времени могла бы быть написана, следуя модели «особого европейского пути». Сегодня, освещая этот вопрос, исследователи пытаются сойти с колеи европейского (или «западного») самодовольства, снимая остроту проблемы «особого пути» с помощью приемов генерализации и релятивизации. «Существует много особых

¹⁴ Acham, 2002, 16.

путей разных культурных пространств. Европейский — только один из них», — отмечал Михаэль Миттерауэр¹⁵. На фоне этой дискуссии XIX век заслуживает особого внимания уже по причине того, что сильная когорта историков, работающих в области сравнительных исследований, не считает социально-экономические различия между Европой и остальным миром раннего Нового времени настолько драматичными, как это было принято утверждать раньше. В результате проблема возникновения разрыва между бедными и богатыми регионами, то есть «мировых ножниц» или «великого расхождения» (*great divergence*), переместилась в область истории XIX века¹⁶. К изучению этой проблемы нам придется обратиться, однако она не образует лейтмотива всей книги. Если работать с историческим материалом, используя оптику, настроенную на рассмотрение исключительности, это изначально обрекает исследователя на поиск различий, а не сходств, существовавших между Европой и другими цивилизациями. С этим принципиально связана и опасность двух априорных положений: во-первых, презумпции *контраста*, отдающей преимущество различиям во всех их формах проявления, и, во-вторых, ее крайней противоположности, презумпции *ойкумены*, не опускающей своего взора ниже уровня условий общей «человеческой ситуации» (*conditio humana*). Мы считаем, что более целесообразно вовсе уйти от неплодотворной дихотомии «Запад — Остальной мир» и попытаться заново измерить дистанцию между «Европой» (рассматривая это понятие в историческом контексте) и другими частями мира, существующую в каждом отдельно взятом случае. Для проведения подобной операции необходимо работать с отдельными областями исторической реальности.

* * *

Данная книга состоит из трех разделов. Три главы первого раздела — «Подходы» — описывают предпосылки и задают общие

¹⁵ Mitterauer, 2003, 9. См. дискуссию об идиоме «особого пути» в российском и европейском контексте: Атнашев Т., Велижев М., Зорин А. «Особый путь». От идеологии к методу. М., 2018. — Прим. ред.

¹⁶ См. резюме целого ряда аргументов: Vries P.H.H. Via Peking. 2003.

параметры для всего последующего повествования. Их темы: саморефлексия, время и пространство. С целью предупредить впечатление, что глобальная история требует отказа от временных различий и следования «пространственному повороту» (*spatial turn*), время и пространство рассматриваются на равных правах в отдельных главах.

Во втором разделе книги, охватывающем восемь глав, открываются «Панорамы» отдельных областей исторической реальности, каждой из которых посвящена своя глава. Выражение «панорама» сигнализирует, что в предложенном здесь всемирном обзоре ставится цель избежать слишком крупных пробелов, хотя в нем и не делается педантичная попытка представить действительно все регионы мира.

В третьем разделе на место панорамного описания заступают «Темы» — семь глав с обсуждением избранных аспектов. Изложение в этих главах больше тяготеет к эссеистическому стилю, здесь преднамеренно многое опущено и выбраны лишь единичные примеры, особенно наглядно подтверждающие аргументы более общего плана. Если бы эти «темы» были развернуты во всей «панорамной» широте, то потребовался бы такой объем книги, на который не хватило бы ни сил у автора, ни терпения у читателей. Иными словами: если говорить о синтезе и анализе — двух методах исследования и описания, между которыми не существует непримиримых противоречий, — то в третьем разделе книги центр тяжести смещается от первого ко второму.

Количество и объем примечаний в книге пришлось ограничить. В список литературы вошли только публикации, упомянутые в ссылках. Поэтому он не призван служить библиографией, содержащей стандартный набор литературы по рассматриваемым темам, и даже не отражает действительного объема всего использованного при подготовке книги материала. Например, из огромного числа замечательных журнальных публикаций здесь упомянуты лишь очень немногие. При всем этом автор с горечью осознает и ограниченность своих языковых возможностей¹⁷.

¹⁷ Как правило, в ссылках и в списке литературы приведены данные только о тех изданиях, которые использованы автором. Так, если он пользовался немецким переводом той или иной работы, то ссылка дана именно на этот

Главы книги образуют связное целое, однако их можно читать и по отдельности. Ради того, чтобы сделать каждую главу более полной и завершенной, допущены некоторые небольшие пересечения и повторы. Независимо от того, с какой части или главы было начато чтение, читатель всегда сможет найти запасный выход.

немецкий перевод, а не на оригинал, вышедший на другом языке. Если существуют русские издания, приводятся их названия, но не точное указание страниц. — *Прим. ред.*